

Новости о череде несчастных случаев с учителями и учениками Цзяньцзя Байлу быстро распространились по окрестностям. Ученики один за другим просили снять их с занятий, а некоторые учителя не желали больше оставаться. Ши Ханьшань уговаривала их остаться, но не смогла удержать, вместо этого к ней обратились представители властей и местного отделения полиции.

В последние годы город Донгье ввел новую политику — не разрешать компаниям и пансионатам открываться в жилых районах. Однако, несмотря на то, что политика существует, на деле ничего не меняется, жилые дома в лучших местах все еще сдаются в аренду для переоборудования, до тех пор, пока это не делается чрезмерно и не вызывает недовольства окружающих жителей, управление недвижимостью будет закрывать на это глаза, а полицейский участок не будет проявлять инициативу для исправления ситуации, если только сами жители не сообщат о случившемся.

В районе, где находилось Цзяньцзя Байлу, не произошло убийство, но полиция приходила в дом много раз. Жители запаниковали, увидев это, а слухи об убийствах распространялись, чем больше, тем страшнее, и сразу же люди пожаловались в управление недвижимостью и сообщили в полицейский участок.

Минг Шу провел небольшое совещание с техническими детективами и полевыми, и сказал им продолжать следить за людьми из Цзяньцзя Байлу, отслеживать их передвижения, и не снижать бдительность, пока не будет найден настоящий убийца.

После встречи Минг Шу взял Фан Юаньхана в известный элитный торговый центр в Наньчэне, где Лю Мэй участвовала в фотосессии новой коллекции одежды для интерьерного журнала торгового центра.

В это время Лю Мэй только что перешла от съемок летней одежды к осенней, но то, что на ней надето, было уже ближе к зимней одежде. Она высокая и имеет элегантный вид так что роскошная и величественная зимняя одежда смотрелась на ней великолепно.

Место съемки находилось в атриуме на втором этаже. Минг Шу занял удобное место этажом выше и смотрел вниз.

Фан Юаньхан прошептал:

— Ты следишь за кем-то сверху, а человек, который следит за тобой, смотрит сбоку.

Минг Шу повернулся к нему:

— А?

— Учитель, ты сегодня в этом наряде немного выделяешься, люди пялятся на тебя. — сказал

Фан Юаньхан, его взгляд метнулся в сторону и немного назад.

Минг Шу был одет в полуофициальный костюм, который он купил вместе с Сяо Юанем не так давно. Он не был слишком броским, но выгодно подчеркивал его узкую талию и длинные ноги. Когда он примерял костюм, Сяо Юань сказал, что он выглядит хорошо, но он и сам это знал, так что он попросил Сяо Юаня более подробно рассказать ему, что именно в нем хорошего.

Ответ на этот вопрос он получил только тогда, когда вернулся домой ночью, когда его длинные ноги были подняты, а узкая талия висела в воздухе, а глаза были полны слез настолько, что он не мог видеть человека, который склонился над ним, и он мог только слышать, как Сяо Юань шептал ему на ухо:

— Он лучше всего подходит для соблазнения людей.

Минг Шу кашлянул и проследил за взглядом Фан Юаньхана, увидев трех парней лет двадцати, которые тут же с шумом убежали.

Оказалось, что это были три маленьких гея.

К тому же явно маленькие ноли.

Один из них бежал и кричал:

— Он такой красивый! Вы видели его талию? Чем она стройнее, тем крепче... талия жеребца! Я хочу попробовать!

Минг Шу: ...

Фан Юаньхан хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Талия жеребца аха-ха-ха-ха! Я верю, что ты сможешь оправдать их ожидания, учитель!

Уголки рта Минг Шу несколько раз дрогнули:

— Заткнись!

Всевозможные звуки раздавались в торговом центре, и этой небольшой суматохи было недостаточно, чтобы привлечь много внимания. Минг Шу спокойно продолжал наблюдать за Лю Мэй, пока не закончилась съемка.

В прошлый раз за допрос Лю Мэй отвечал Фан Юаньхан, и в этот раз Фан Юаньхан первым

предстал перед Лю Мэй.

Возможно, потому что она не ожидала, что полиция придет на ее рабочее место, чтобы найти ее, Лю Мэй выглядела заметно скованной, иногда уверенные, иногда соблазнительные глаза, которые были у нее, когда ее фотографировали, исчезли, а на лице появилось выражение неприкрытой паники.

— Вы, ребята...

— Простите, у нас все еще остались вопросы к вам. — сказал Фан Юаньхан.

Лю Мэй неосознанно посмотрела на Минг Шу, ее взгляд медленно переместился с его лица на костюм, после чего она невнятно сказала:

— Моя работа еще не закончена.

— Это не займет у вас много времени. — Минг Шу сказал: — До несчастного случая Ша Чунь тесно общалась с вами. Она когда-нибудь говорила с вами о своих проблемах на рабочем месте?

Лю Мэй опустила глаза вниз, и ее взгляд несколько раз метнулся из стороны в сторону:

— Нет. Обычно мы говорили на темы, которые нравятся девушкам.

— Темы, которые нравятся девушкам? — спросил Минг Шу, — Например?

— Ну...

Лю Мэй часто касалась пальцами своих рук, и неожиданно сильным нажатием сорвала страз со среднего пальца левой руки.

— Ах! — Лю Мэй поспешно зажала страз в руке: — Простите, я редко имею дело с полицейскими, я немного нервничаю.

Минг Шу понимающе улыбнулся:

— Все в порядке, мне неловко, что я так поспешно пришел и нарушил вашу работу. Но дело еще не раскрыто, а вы одна из тех, кто чаще всего появляется в записях о телефонных разговорах Ша Чунь, поэтому я вынужден попросить вас сотрудничать со следствием.

Лю Мэй неловко кивнула:

— Так и должно быть, так и должно быть.

Минг Шу прищурился:

— Итак, какие темы нравятся девушкам?

Лю Мэй сделала паузу на несколько секунд, прежде чем заговорить:

— Фильмы, знаменитости, косметика, одежда... У меня хорошие навыки и я знаю, как подобрать косметику и одежду. Ша Чунь хотела изменить свой имидж и часто просила меня дать ей несколько советов.

— Получается, что вы много обсуждали макияж.

— Да. — Лю Мэй немного расслабилась. — Черты лица Ша Чунь действительно хороши, но она не умеет подчеркивать свои достоинства, и ее одежда довольно обычная. Из-за своей работы я уже давно привыкла краситься, и я обязательно тщательно одеваюсь, когда выхожу в свет — даже на уроки гучжэна. В перерыве между уроками мы с Ша Чунь вели светскую беседу, она делала мне комплименты по поводу моей внешности и фигуры. Я сказала ей, что любая женщина может быть красивой, если она умеет правильно одеваться.

Минг Шу спросил:

— Почему вы всегда разговаривали по телефону, когда многие люди сейчас предпочитают общаться друг с другом с помощью чат-приложений?

Услышав это, глаза Лю Мэй на мгновение расширились.

Она сильно накрасила глаза, поэтому это небольшое движение было легко замечено Минг Шу.

— Мы... — вздымалась и опадала грудь Лю Мэй, — Мне все равно, но Ша Чунь более традиционна и считает, что только разговаривая по телефону можно все обсудить.

Минг Шу снова спросил:

— Есть ли у вас работа 23 и 24 числа?

Лю Мэй поспешно достала свой мобильный телефон:

— Посмотрим, ах... Да, 23-го числа, утром я разместила короткое видео, а 24-го я была дома.

— А что насчет ночи 23-го?

— Вечером я была дома и легла спать в 8 часов.

— Так рано?

Щеки Лю Мэй покраснели:

— В тот день у меня были месячные, и мне было очень не комфортно.

— Лю Мэй не смогла объяснить, где она находилась во время убийства. — сказал Фан Юаньхан:
— У нее нет своего жилья, она снимает квартиру в районе Дунчэн, и никто не может доказать, что она действительно находилась в ней, когда Ша Чунь была убита.

— Но мотив преступления Лю Мэй неясен. — сказал Минг Шу: — У меня такое чувство, что она что-то скрывает, но она не обязательно та, кто убил Ша Чунь.

Фан Юаньхань кивнул:

— Это правда. В конце концов, она женщина, мы не знаем, есть ли у нее мотив сделать это, да и сама ее способность совершить преступление сомнительна. Насколько сильны должны быть психологические качества, чтобы задушить кого-то до смерти ночью в таком месте, как Ассоциация исполнительских искусств, и отрубить другому человеку руки? Лю Мэй не похожа на человека с такими сильными психологическими качествами.

— Психологическая устойчивость Юй Сяочэна еще хуже.

— Может, он притворяется?

Фан Юаньхань в сердцах набросился на Хоу Чэна, и ему пришлось несколько раз кардинально менять свои взгляды на дело, прежде чем они нашли подозреваемых, и в этот раз, прежде чем дело начало разворачиваться, он сам себя слишком запутал.

Минг Шу не стал его поправлять, потому что каждый офицер криминальной полиции вступал с подозреваемым в логическую игру на смекалку и отвагу.

Был уже полдень, когда желудок Фан Юаньхана "заурчал", и Минг Шу спросил:

— Голоден?

Вокруг торгового центра было много хороших ресторанов, и Фан Юаньхан рассмеялся:

— Учитель, давай просто выберем наугад место, чтобы решить вопрос с обедом.

— Наугад? Хорошо. — Минг Шу подошел к магазину молочного чая и купил две чашки холодного молочного чая, два ананасовых крема и две вафли.

Фан Юаньхан взял их с неохотой:

— Это все, что у нас есть?

Минг Шу засмеялся:

— Разве ты не говорил, что нужно выбрать наугад? Придорожная закусочная, разве это достаточно обыденно? Если нет, там есть киоск с яичными пирогами, пойдешь и купишь два пирога?

— Нет! — Фан Юаньхан откусил кусочек ананасового крема. — Это не так уж и обыденно. Посмотри на свой наряд, в торговом центре ты выглядишь как мужская модель, но когда ты выходишь из торгового центра, ты ешь яичные пироги, подходят ли они к твоей талии жеребца?

Минг Шу пнул его ногой:

— Во-первых, я еще не ел яичных пирогов — хотя не исключай возможности, что я пойду и куплю их позже. Во-вторых, мы здесь, чтобы расследовать дело, а не ходить по магазинам, а ты хочешь пойти в ресторан? Скорее проглоти ананасовый крем, а потом...

Фан Юаньхан прервал:

— А потом походи и купи яичных пирогов?

— А потом возвращайся к работе!

Фан Юаньхан просто любит немного повеселиться, и он не очень-то хочет идти в частный ресторан. Каждый в команде по расследованию тяжких преступлений может вынести трудности. Не говоря уже о том, что у него в руке все еще есть "роскошный" чайный набор с молоком, даже если у него есть только одно печенье, он должен жевать. Жевать и глотать.

Минг Шу не наелся, в основном потому, что "два блюда и один суп" были сладкие, поэтому в итоге он все же купил две пары яичных пирогов со всеми начинками, заполнив два пакета.

Когда они прислонились к машине, чтобы поесть, Фан Юаньхан сказал:

— Учитель, вы только что опровергли только два пункта.

Минг Шу переспросил:

— Какие два пункта?

Фан Юаньхан начал по-порядку:

— Я сказал, что у тебя талия жеребца, но ты не опроверг это.

Минг Шу был ошеломлен:

— Тск.

— Что еще за "тск"?

— Что плохого в талии жеребца? — Минг Шу сделал глоток молочного чая и рассмеялся: — Или ты обиделся, что это не тебя так назвали?

— Эй! — Фан Юаньхан сказал: — И ты гордишься этим? Тебе не стыдно?

Пока он говорил, у Минг Шу зазвонил телефон. Поскольку Фан Юаньхан все еще топтался вокруг, Минг Шу жестом приказал ему замолчать:

— Заместитель Сяо.

— Учитель Син сейчас в больнице Гуанье, и ты должен пойти туда сейчас же. — сказал Сяо Юань, — У Лонг Тяньхао травма левой руки, и его когда-то лечили в больнице Гуанье. Учитель Син очень профессионален в медицине, но он не очень хорошо разбирается в деталях дела, поэтому ты пойдешь с ним, чтобы узнать, как лечили Лонг Тяньхао.

Больница Гуанье — это больница, связанная с Медицинским университетом Донгье и расположенная в районе Дунчэн. Медицинский университет Донгье входил в число лучших медицинских университетов страны, а его филиал, естественно, был чрезвычайно известен.

Зная, что Минг Шу придет, Син Му ждал его на пустой парковке возле амбулаторного корпуса.

— Брат Син. — Минг Шу уже сказал Фан Юаньхану, что бы тот сам вернулся в отдел, и помахал рукой Син Му, прежде чем подняться по ступенькам.

— Капитан. — сказал Син Му: — Только ты?

Минг Шу сказал:

— Ты боишься меня?

Син Му отвернулся и прошептал:

— Кто тебя боится? Я уже не впервые с тобой работаю.

Мин Шу услышал это, но ему пришлось притвориться, что он этого не слышал:

— Что там с рукой Лонг Тяньхао?

Когда они дошли до обсуждения дела, Син Му больше не бормотал себе под нос:

— Травма Лонг Тяньхао — тендинит левой руки, чрезмерное напряжение вызывает отек и сильную боль, и он даже не может сгибать и разгибать кисть в повседневной жизни. Это заболевание слишком часто встречается у профессиональных игроков, и многие ушли из спорта из-за него. Лонг Тяньхао начал играть в подростковом возрасте, и болезнь, конечно, не была воспринята всерьез, когда она только появилась, и развилась до такой степени, что ему пришлось уйти на пенсию.

Минг Шу быстро направился на этаж ортопедического отделения:

— Кто лечащий врач Лонг Тяньхао?

— Лэй Цянцзюнь, заместитель главного врача ортопедического отделения. — ответил Син Му:
— В больнице Гуанье нелегко записаться даже на общий осмотр, не говоря уже о специализированном лечении. Но Лонг Тяньхао некоторое время лечился у Лэй Цянцзюня, а потом отправился в Цзяньцзя Байлу.

Минг Шу остановился:

— Врач дал такую рекомендацию?

— Думаю, нет. — Син Му покачал головой. — Не существует полностью эффективного лечения тендинита в руках игроков киберспорта, а высокая частота использования рук создает

огромную нагрузку на руки, и даже если его вылечить, он может легко повториться. Если с повседневной жизнью все в порядке, то играть в игры и поддерживать хорошую соревновательную форму было бы слишком сложно.

Был обеденный перерыв, но Лэй Цянцзюнь, вернувшийся в кабинет пораньше, чтобы написать отчет, принял Минг Шу за пациента и нетерпеливо махнул рукой:

— Заходите после того, как назовут ваш номер.

Минг Шу показал свое удостоверение и Лэй Цянцзюнь удивился:

— Полиция?

Минг Шу рассмеялся и бесцеремонно пододвинул стул, чтобы сесть:

— Извините, что беспокою вас в обеденное время.

Лэй Цянцзюнь настороженно нахмурился, посмотрел на Минг Шу, а затем на Син Му позади него:

— Что вам нужно?

Минг Шу спросил:

— Пациент Лонг Тяньхао, есть ли у вас какие-нибудь воспоминания о нем?

Лэй Цянцзюнь покачал головой:

— Мне каждый день приходится контактировать со многими пациентами, я не могу всех запомнить.

— Он страдает от тяжелого тендинита левой руки. — сказал Минг Шу, сжимая левую руку. — Молодой игрок в киберспорт, если вы действительно ничего не помните о нем, найдите его медицинскую карту.

Лицо Лэй Цянцзюня слегка изменилось:

— Так вы о нем...

— Похоже, что у вас осталось впечатление о нем.

Лэй Цянцзюнь недовольно фыркнул:

— Этот пациент был очень проблемным, он не слушал советы врача от начала и до конца и в конце концов пожаловался, что это мои медицинские навыки были плохими. Он также угрожал мне...

Говоря об этом, зрачки Лэй Цянцзюня сузились, как будто он внезапно что-то понял:

— Вы же пришли ко мне не из-за того, что он убил какого-то врача в другой больнице?

Син Му удивился:

— Нет, нет, нет, с чего вы это взяли?

Лэй Цянцзюнь вспотел и поспешно вытер салфеткой свой лоб:

— Потому что он так угрожал мне! Говорил, что я не могу вылечить его руку и что чем больше я его лечу, тем хуже становится его состояние. В моем плане лечения не было ничего плохого, это он был несговорчив и интенсивно использовал свои руки во время лечения, как же это можно было вылечить? Он сказал, что является игроком киберспорта и хочет играть в будущем. Я ясно сказал ему, что состояние его левой руки очень серьезное и что операция — самый эффективный способ, но он отказался от операции, сказав, что есть риск и что он не будет делать то, что я сказал, оклеветал мою медицинскую этику и сказал, что если его рука будет разрушена, он придет и зарежет меня!

Минг Шу сказал:

— Такое и вправду произошло?

— Конечно! — Лэй Цянцзюнь становился все более взволнованным: — В то время я вызвал охрану и собирался вызвать полицию, но потом решил этого не делать.

— Это правда, что вы должны звонить в полицию, когда сталкиваетесь с угрозами. — Минг Шу спросил: — Почему вы этого не сделали?

— Я не хотел делать из мухи слона. — Лэй Цянцзюнь покачал головой: — Пациенты просто несчастные люди, подталкивать их к краю пропасти — значит подталкивать и себя к краю пропасти.

Минг Шу кивнул:

— Когда это произошло? Неужели Лонг Тяньхао так и не вернулся после того случая?

Лэй Цянцзюнь уже достал медицинскую карту и сказал, читая ее:

— Лонг Тяньхао впервые обратился ко мне 11 октября прошлого года. До того, как он попал в нашу больницу, его уже осмотрели в трех других больницах, но все безрезультатно. Последний раз он приходил ко мне 19 мая этого года. Я ответственно заявляю, что отношусь ко всем пациентам одинаково, но стремление других — жить нормальной жизнью, а Лонг Тяньхао — играть в высокоинтенсивные игры, поэтому я отношусь к Лонг Тяньхао более внимательно и стараюсь изо всех сил! Когда он пришел ко мне в прошлом году, он не мог даже согнуть пальцы на левой руке, у него был сильный отек, плюс боль, и я вылечил его до такой степени, что у него не было проблем с повседневной жизнью и он мог играть в игры низкой интенсивности. Я делал все, что мог!

— Тогда, похоже, состояние Лонг Тяньхао постепенно улучшалось. — сказал Минг Шу: — Почему он вдруг сказал что-то вроде того, что собирается зарезать вас?

— Он торопился и не мог больше ждать! — Лэй Цянцзюнь сказал: — Я не знаю, что у него случилось, у меня слишком много пациентов, я не могу вложить в него всю свою энергию, я могу вылечить его травму руки, но не проблемы в его голове!

Видя, что обеденное время подходит к концу, Минг Шу спросил:

— Лонг Тяньхао когда-нибудь упоминал о игре на гучжэне?

Лэй Цянцзюнь глухо сказал:

— Гучжэн? Что, он играл на гучжэне?

Понаблюдав некоторое время за Лэй Цянцзюнем, Минг Шу встал и сказал:

— Простите за сегодняшние хлопоты, но если в будущем мне еще что-нибудь понадобится от вас, я вернусь.

Лэй Цянцзюнь выглядел озадаченным:

— Хорошо, хорошо.

Покинув ортопедическое отделение, Минг Шу сразу же пошел посмотреть запись видео наблюдения за 19 мая.

На видео Лонг Тяньхао бился в истерике, утверждая, что у него повреждена рука, что это вина шарлатана, и что он не отпустит Лэй Цянцзюня, даже если тот станет призраком.

Амбулаторный корпус был переполнен, и коридоры ортопедического отделения быстро заполнились зеваками. Лонг Тяньхао вскоре увели охранники, все это длилось семь минут.

— Все присутствующие знали, что у Лонг Тяньхао серьезная травма руки. — Минг Шу сказал тихим голосом: — Теоретически, каждый из них мог сказать Лонг Тяньхао, что игра на гучжэне поможет ему оправиться от травмы руки.

Синь Му не мог думать так далеко вперед:

— Но зачем им это делать?

Минг Шу отвел глаза от экрана и на мгновение спокойно задумался, не решаясь сделать немедленный вывод:

— Идем, проводи меня к дому Лонг Тяньхао.

Фанатов, пришедших посмотреть прямую трансляцию, становилось все меньше и меньше, а в комнате становилось все холоднее и холоднее, когда Лонг Тяньхао закончил играть в игру и не произнес ни слова за полдня.

Некоторые фанаты насмехались:

— Что это за ведущий, немой? Как он умудрился подписать контракт с платформой, не сказав ни слова?

Лонг Тяньхао уже был раздражен в своем сердце, поэтому он прямо набросился на этого человека.

Они так сильно спорили, что кто-то написал жалобу, и после вмешательства руководства платформы комната Лонг Тяньхао была временно закрыта.

— Черт! — Лонг Тяньхао рассеянно выругался, а через несколько минут, закрыв лицо руками, рухнул навзничь на игровое кресло.

Арендванное им помещение было в плохом состоянии, ему было более 30 лет, оборудование и программное обеспечение не соответствовали современным требованиям, по ночам в дверь

постоянно стучали пьяные, а посреди ночи он часто слышал крики и скрип кровати от соседей наверху.

Лонг Тяньхао решил играть профессионально и разорвал отношения с родителями. В первые годы он вообще почти ничего не зарабатывал, а позже, когда ему удалось заработать немного денег, рука снова отказала. В этом году, исцеляя руку, он уже потратил все свои сбережения и выживает на мизерный доход от прямых трансляций.

Единственным звуком в комнате был звук работающего компьютера, настолько тихий, что он казался безжизненным.

Спустя долгое время Лонг Тяньхао открыл глаза и внезапно заплакал от депрессии.

Он укусил указательный палец левой руки так сильно, что у него выступила кровь.

Запах крови мгновенно наполнил воздух.

Через несколько минут он встал, выключил компьютер, выключил рубильник и вышел из дома с пустыми руками, направляясь к террасе на крыше.

Многие старые дома имели выход на крышу. Лонг Тяньхао стоял у перил и смотрел вниз, вздохнул и, весь дрожа, перелез через них.

<http://bllate.org/book/14859/1321927>